

УДК 115

Индивидуализация времени социального субъекта в современном обществе и культуре

Л. А. Штомпель

(Институт архитектуры и искусств Южного федерального университета)

Проанализирован процесс индивидуализации времени как частного случая темпоральной организации жизнедеятельности социального субъекта современного общества и культуры. Показано, что продуктивная индивидуализация времени ограничивается скрытым воздействием объективных социальных структур через навязывание готовых схем отношения ко времени и нарушением коллективных ритмов жизнедеятельности.

Ключевые слова: время, индивидуализация, темпоральная организация, управление временем.

Введение. Современное общество, в отличие от традиционного, открывает перед человеком возможность самостоятельно выстраивать стратегию своей жизни. Эта возможность детерминирована востребованностью в условиях рыночной экономики таких качеств, как, с одной стороны, инициативность, смелость, оригинальность, а с другой — дисциплинированность, организованность, обязательность, чёткость. Сочетание названных качеств актуализирует тему темпоральной организации жизни и общества, и отдельного человека — вообще любого субъекта, разворачивающего свою социальную активность. Определение границ индивидуализации времени как частного случая темпоральной организации жизнедеятельности социального субъекта современного общества и культуры является задачей данной статьи.

Основная часть. Одним из важнейших параметров, характеризующих жизненную стратегию личности, является время. Необходимо отметить, что время выступает регулятором, организатором человеческой жизни на всех уровнях её осуществления: на уровне общества в целом (посредством календарных систем, доминирующих ориентаций на тот или иной модус времени, объективно заданной продолжительности занятий тем или иным видом деятельности, скорости происходящих перемен, ритмики социальной жизни, направленности изменений — всего того, что можно назвать коллективной организацией жизни с помощью времени), на уровне отдельных социальных групп и на уровне личности (прежде всего, посредством сознательной организации ею собственной жизнедеятельности в темпоральном аспекте). С одной стороны, субъект любого уровня вынужден соотносить длительности, продолжительности своих разнообразных видов деятельности (и отношения между этими длительностями) со внешними, объективно заданными темпоральными структурами (например, со временем суток, расписанием и т. п.). С другой стороны, он постоянно осуществляет выбор в пользу того или иного занятия и определяет продолжительность его осуществления. Это связано также с таким новым фактом, возникающим в постиндустриальном обществе, как процесс «развремени», когда ряд профессий и занятий позволили работникам «выпадать» из коллективных ритмов и более свободно планировать своё рабочее время в масштабе суток.

Немаловажным фактором, детерминирующим изменение отношения людей к коллективной организации времени, выступает необходимость ежедневных и еженедельных перемещений индивидов и групп. В современных мегаполисах время, затрачиваемое на передвижения, постоянно увеличивается: если до 1960-х гг. время, затрачиваемое на поездку к месту работы, соответствовало норме, то сегодня в отечественных мегаполисах оно составляет не оптимальные 30 минут, а около 60. Рост больших городов, не сопровождающийся соответствующим решением транспортной проблемы, приводит к тому, что «непродуктивное» время (не связанное ни с физическим, ни с духовным развитием человеческой личности, ни с её трудовым вкладом) увеличивается

ется, что ведёт к изнашиванию человеческого организма и, в конечном счёте, к сокращению продолжительности жизни. Это вызывает к жизни потребность к усилению автономности существования, индивидуализации жизненной стратегии.

Действительно, время конкретного социального субъекта (группы или отдельного индивида) встроено во время общества в целом, а также в темпоральные особенности той организации, внутри которой или от лица которой он действует. Например, в бюрократических организациях время жёстко распределяется: создаются нормативы, которые предписывают затраты определённого количества времени для определённых занятий. Такого рода отношение ко времени как к субстанции, которую можно разделить на части, характерно для периода перехода от традиционного уклада к индустриальному обществу. Однако при переходе к постиндустриальному обществу рождается иное отношение ко времени. Это новое отношение определяется зависимостью конкретной организации не только от суммы знаний, умений и навыков её членов (наличие которых является сегодня необходимым, но не достаточным условием), но и от их творческого потенциала, который предполагает, помимо прочих многих моментов, и «свободное» отношение со временем. «Свободное» — не в смысле отлынивания от работы, а в значении возможности самому работнику планировать и распределять, а в идеале — создавать своё время.

Необходимость подобного отношения ко времени диктуется распространением новых технологий и демократизацией условий жизни, которые влекут за собой децентрализацию и демасификацию производительной деятельности, требуют работников, обладающих высокой степенью самостоятельности. Неслучайно наиболее успешные корпорации, способные быстро реагировать на изменяющиеся потребности рынка, включают в свою децентрализованную систему управления такой элемент, как «гибкость».

Это новое, «свободное», отношение ко времени на уровне личности сочетается с необходимостью соотносить темпоральную организацию своей жизни с объективно заданными темпоральными характеристиками: суточными и сезонными ритмами, расписанием работы (начало и конец рабочего дня, продолжительность занятий отдельными видами работ и их ритмичностью, частотой и интенсивностью повышения квалификации и т. п.). Однако индивидуализация времени выступает ведущей тенденцией современного отношения социального субъекта ко времени. Под индивидуализацией времени мы понимаем возрастание вариативности выбора конкретных видов занятий и времени, отводимых для них, в современном обществе.

В результате перехода общества в постиндустриальную фазу развития перед личностью открываются всё более широкие возможности самостоятельного определения последовательности и продолжительности разнообразных занятий и видов деятельности в «рабочее» и в «свободное» время, в профессиональной и во внепрофессиональной сферах, составляющих видимую канву жизни человека. Кроме того, и в духовном мире личности происходят изменения отношения ко времени: увеличивается разнообразие ориентаций на различные модусы времени, содержательно обогащается свободное время и т. д. Можно предположить, что общество тем более индивидуализируется, чем более вариативным становится выбор не только конкретных видов занятий и деятельности, но и времени, отводимых для них.

Проблема вариативности времени многоаспектна, материалом для её решения могут выступить исследования времени в психологии, социологии, философии и культурологии. Так, социологи обращают внимание прежде всего на изменения в бюджетах времени различных групп населения, на региональные различия в использовании совокупного фонда времени, философы определяют качественную специфику социального времени, культурологи исследуют время как форму культурно-исторического бытия, психологи изучают психологические особенности восприятия времени и процесс индивидуализации жизни в целом. Сегодня выделяются такие ключевые характеристики индивидуальности, как ориентация на творческую самореализацию, конструиро-

вание своей уникальности и неповторимости, автономность, создание индивидуальной системы ценностей, экзистенциальное ощущение собственного Я и т. д.

Исходя из такого понимания индивидуальности, можно заключить, что индивидуализация времени состоит в выстраивании такого образа и стиля жизни, который обеспечивает, подкрепляет и выражает стремление к индивидуализации жизни в целом, в частности к автономности. И если В. И. Ленин в начале XX в. писал, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя, то с середины XX в. всё сильнее и отчётливее нарастало стремление от этой зависимости избавиться. Оставшись наедине с собой, человек вынужден заглянуть «в себя», т. е. проанализировать собственный жизненный опыт, превращая его тем самым в опыт духовный. Наличие этого опыта, обращение к нему, рефлексия над ним — вот что превращает человека в личность. Как писал Ф. Ницше: «Всегда один и один — это даёт со временем двух» [1, с. 40], — не в смысле шизофренической раздвоенности, а в смысле рефлексии над собственным жизненным опытом.

Какую же картину рисует для нас обращение к опыту темпоральной организации жизни современным человеком? Во-первых, эта картина является многомерной. Во-вторых, динамической. В-третьих, она противоречива. И главное противоречие — между стремлением к автономии и неизбежностью согласования собственных темпоральных особенностей с требованиями социума. Современный же социум вовсе не отказывается от навязывания коллективных ритмов жизни. Это проявляется, например, в переходе с «зимнего» на «летнее» время, в слиянии часовых поясов без учёта астрономических параметров.

Не менее важным фактором выступает конструируемая в культуре ориентация на тот или иной модус времени, акцент на одном в ущерб другому. Так, например, модус прошедшего времени может оцениваться по-разному: прошлое как прекрасное и прошлое как порочное; прошлое как то, что породило образцы, и как то, от чего следует самым радикальным образом избавиться. Таким же диаметрально противоположным может быть и отношение к будущему. Например, современная культура потребления через бренды молодёжной моды навязывает следующие схемы отношения ко времени: «Живи настоящим», «Дорогу молодым», «Старым быть стыдно», «Прошлые идеалы остались в прошлом» и т. д. Такие схемы разрывают «связь времён», вовлекая индивида в гонку за готовыми образцами и закрывая тем самым возможность для продуктивной индивидуализации времени.

Противоположное отношение ко времени формируется благодаря ориентации на предвосхищение будущего, исходя из анализа настоящего. В условиях современной конкуренции (в которой существуют практически все социальные организации) успех определяется, как известно, не столько следованием спросу, сколько его формированием. Такого рода установка на предвидение, на опережение, на будущее предполагает создание условий для мобилизации творческого потенциала работников любой организации.

В западных корпорациях с 60-х гг. формируется тайм-менеджмент, главный принцип которого — «никаких стереотипов», каждый работник должен иметь возможность выбрать наиболее оптимальный для него стиль управления временем и рабочей нагрузкой. Таким образом, индивидуализация времени предполагает согласование разных временных плоскостей: времени организации и личного времени. Второе непереносимое условие — дисциплина времени. Она не возникает сама по себе. В нашей стране после революции она вырабатывалась путём материального поощрения за «посещаемость» службы. На первый взгляд, это удивительно. Но не стоит забывать, что многие горожане в начале XX в. были ещё «полуселянами», время работы которых соотнобразовывалось с природными ритмами, поэтому дисциплина часового времени, ориентация «на циферблат» часов была для них внове. Например, в 1920 г. было издано следующее постановление [2]:

Медвеженское Уездное Бюро Профессиональных Союзов объявляет для сведения и руководства постановление Уполномоченного В.Ц.С.П.С. и Уполномоченного Наркомтруда НК о **премиях за посещаемость (аккуратная явка и оставление службы)** (выделено авт.).

§ 1. В целях поднятия трудовой дисциплины и производительности труда в предприятиях и учреждениях Кавказа одновременно с введением нового тарифа и впредь до окончательного установления норм выработки и полного перехода на сдельную и премиальную системы оплаты труда для рабочих и служащих всех производств советских учреждений Кавказа вводится премия за аккуратный выход на работу (посещаемость) по прилагаемой ниже схеме.

§ 2. Премия выплачивается за приход без опоздания на работу и отсутствие пропусков и при этом пропуском считается отсутствие на работе хотя бы и по уважительным причинам, за исключением отпусков по декрету.

§ 3. Премия за посещаемость устанавливается в размере 20 проц. тарифной ставки и выдается полностью лишь в случае соблюдения в течение месяца полной нормы выходов, т. е. 25 рабочих дней, понижение нормы выходов влечёт за собой и понижении премии.

§ 4. Основная премия за посещаемость выплачивается следующим образом:

Число проработанных дней в месяц	Премия в проц. отнош. тариф. ставки
25	20
24	15
23	10
22	5
21	0

<...>

§ 6. Сверхурочные часы в расчёт при вычислении пропусков не принимаются, т. е. увеличение числа рабочих дней сверхурочными часами не влияет на увеличение премии.

§ 7. Опоздание, пропуски, прогулы, оставление службы ранее установленного срока штрафуется по нижеследующей шкале:

а) явка на службу в течение 15 минут после установленного времени **не считается опозданием** (выделено авт.).

б) явка на службу от 15 до 30 минут после установленного срока или оставление службы ранее срока на 15—30 мин. считается пропуском четверти дня.

в) опоздание от 30—40 мин. и оставление срока службы раньше на то же время считается пропуском половины рабочего дня.

г) опоздание от 45 мин. до 1 часа и уход до срока на то же время считается пропуском одного рабочего дня.

д) каждый пропуск полного рабочего дня, помимо неуплаты заработка за него, — штрафуется в размере 10 проц. тарифной ставки.

§ 8. Штрафные вычеты производятся из причитающейся работнику за тот же месяц премии, но не из получаемого оклада.

§ 9. При пяти или большем количестве опозданий в месяц без уважительных причин данный работник лишается всей причитающейся ему премии и придаётся товарищескому дисциплинарному суду, как за нарушение трудовой дисциплины.

§ 10. За время, которое пропущено работником без уважительных причин, производится вычет из тарифной ставки на основании положения о трудовой дисциплине.

Уполномоченный Наркомтруда Р.С.Ф.С.Р. на Кавказе Стопани.

Уполномоченный В.Ц.С.П.С. на Кавказе Падэрин.

Зав. Тарифным отделом Кавбюро П.Ц.С.П.С.И. Резников.

20-го июля с.г. г. Пятигорск

К сожалению, дисциплина труда, особенно её темпоральная составляющая, разваливается, если администрация попустительствует опозданиям и произвольным «оставлениям службы».

Следующий момент, на который хотелось бы обратить внимание, связан с необходимостью воспитания умения продуктивной организации собственного личного времени. В индивиду-

альной жизни мы всё чаще сталкиваемся с нехваткой времени, связанной с неумением распределять собственное время. Соответственно, предлагаются разные стратегии управления личным временем. Так, профессор социальной антропологии университета Осло Т. Х. Эриксен предлагает несколько способов подчинения себе бега времени: «Я отвечаю только на электронную почту каждый понедельник до полудня; во вторник вечером я занят: уезжаю на рыбалку; ежедневно я проезжаю десять миль на работу и с работы. Сажу в машине один, мобильник и радиолы выключены; по четвергам и понедельникам я читаю журналы вместо газет; у меня нет автоответчика. Если меня нет дома, то меня действительно нет. Прошу уважать! Прежде чем познакомиться с новостями WAP, я всегда читаю какое-нибудь стихотворение; после работы каждый день с половины пятого до половины девятого я провожу время с семьёй, следовательно, недоступен для всех остальных; раз в две недели по средам я хожу в концертный зал, чтобы послушать что-нибудь вроде 7-й симфонии Малера, при этом я полностью сосредоточиваюсь и ни на что не отвлекаюсь; если хочу, я живу моментом, но не даю следующему наступающему моменту меня прерывать» [3, с. 187—188]. Как видим, Т. Х. Эриксен составил расписание своего «свободного времени», выработал определённые принципы организации времени и подчиняется им. Возможно, такие рецепты подойдут не всем, однако симптоматично, что рефлексия по поводу времени становится всё более настоящей.

Подчеркнём, что измерение длительности различных видов деятельности и занятий, отношение к этим длительностям чрезвычайно важны, однако жизнь человека складывается не из одинаковых «кирпичиков» и не из одинаковых «моментов», а, напротив, наполнена неравноценными событиями и действиями, неравнозначными намерениями и ожиданиями, которые нельзя измерить ни линейкой, ни часами. Эта неравнозначность предполагает, что человек способен выбирать между разными возможностями и, соответственно, отвечать за свой выбор.

Само по себе наличие разнообразных вариантов выбора не гарантирует развития ни общества, ни личности. Индивидуализация — это условие развития и цель, понятая как развитие. Развитие может иметь место там, где выбор из множества возможностей определяется соотношением со смыслами культуры, с системой ценностей и значений, составляющих этот смысл.

Социальный субъект и, в частности, личность — не статичное образование: он способен изменяться в процессе осознания Смысла существования. Следовательно, не сама по себе автономия, а до-страивание, до-растание, воз-растание до Смысла существования — вот на что следует ориентироваться в процессе темпоральной организации жизни. Другими словами, индивидуализация, сводящаяся только к автономности, сама по себе не гарантирует ни креативности, ни самореализации — такая индивидуализация непродуктивна. И напротив, индивидуализация, имеющая целью творческую самореализацию (прежде всего через обретение и реализацию Смысла существования), — продуктивна.

Нам уже приходилось в предыдущих работах (см. [4]) обращать внимание на связь времени со Смыслом, на приписывание различным моментам времени определённых значений, что превращает эти моменты в неравнозначные. Жизнь людей, не находящих смысла жизни, сопровождается скептицизмом, отчаянием и разочарованием. Определение того, ради чего стоит жить и без чего жить не стоит, — важнейшая задача для каждого мыслящего человека. Где находится смысл жизни? Он должен находиться в каждой отдельной жизни и в то же время не может находиться на уровне повседневных забот людей о своём существовании. Общеизвестно, что повседневные заботы (утоление голода и жажды, защита от холода, стремление отдохнуть после труда, удовлетворение стремления к другому полу, сохранение здоровья, успехи и признание на работе и т. п.) наполнены смыслом: этот смысл заключается в достижении этих повседневных целей. Но почему же достижение этих целей повседневного бытия не освобождает от дальнейших поисков смысла жизни? Почему на пороге смерти люди пытаются найти высший смысл жизни?

Что заставляет людей приносить себя в жертву? Уж никак не повседневные нужды. Философы разных направлений по-разному называют ту область, в которой заключён этот более высокий смысл человеческого существования: надличное бытие (А. Швейцер считал, что конечной причиной упадка римского государства явилось отсутствие мировоззрения, которое показало бы смысл бытия, выходящего за рамки индивидуальных целей), бессмертие человека (религиозные философы утверждают: смысл земной жизни состоит в подготовке ко вступлению в вечную жизнь), самореализация человека и т. д.

Во всех ответах содержится один план, который не всегда принимается во внимание: временной и надвременной. Если у религиозных философов та жизнь, подготовка к которой является смыслом земной жизни, явно лежит «вне времени» (вне повседневного времени земного существования), то у мыслителей других и самых разных направлений (но признающих наличие смысла жизни) неявно тоже берётся в расчёт особая плоскость бытия — область духовных ценностей, т. е. область трансцендентного. Приобщение к трансцендентному (понимаемому нами как область наличия высших духовных ценностей, возвышающаяся над миром повседневного существования) происходит в предельных жизненных ситуациях. Именно тогда человек или возвышается до переживания света трансцендентных ценностей, или низвергается в «ад» недостижимости их. Тогда, когда человеческая жизнь направлена на реализацию определённых моральных ценностей, она подчиняется идеалам героизма, аскетизма, чести и достоинства. Всё, чем обладает человек в жизни — любовью, привязанностями, страстями, надеждами, — создаётся им благодаря возвышению над повседневным, банальным, усреднённым. Реализация способности любить, творить, сострадать, принимать участие в тех людях и событиях, которые втянуты в орбиту нашей жизни, составляют смысл человеческой жизни. Только понимание этого поможет преодолеть непродуктивную индивидуализацию времени и превратить время в действительное пространство для развития личности.

Выводы. Границы индивидуализации времени определяются объективно заданными ограничениями (пределами, устанавливаемыми физической конституцией человека, социальными нормами и культурными образцами), которые в современном обществе, казалось бы, всё более размываются. Однако объективные социальные структуры продолжают оказывать не только явное, но и скрытое воздействие на поведение людей. Предлагаемые современным обществом потребления и массовой культурой схемы разрывают «связь времён», вовлекая индивида в гонку за готовыми образцами и закрывая тем самым возможность для продуктивной индивидуализации времени.

Библиографический список

1. Ницше, Ф. Сочинения. В 2 томах. Том 2 / Ф. Ницше; сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьян. — Москва: Мысль, 1990. — 829, [1] с.
2. ГАРО. Ф. Р-3132. Оп. 1. — Д. 2. — Л. 170. — 27 октября 1920 г. Дисциплина труда.
3. Эриксен, Т. Х. Тирания момента. Время в эпоху информации / Т. Х. Эриксен. — Москва: Весь мир, 2003. — 208 с.
4. Штомпель, Л. А. Лики времени / Л. А. Штомпель; Рост. гос. строит. ун-т. — Ростов-на-Дону; Санкт-Петербург: Компьютериконь-АРИТА, 1997. — 200 с.
5. Штомпель, Л. А. «Управление временем»: в поисках смысла жизни / Л. А. Штомпель, М. В. Лихущина // Время и человек (Человек в пространстве концептуальных времён): сб. науч. тр. / под науч. ред. В. С. Чуракова. — Новочеркасск: НОК, 2008. — 316 с. — (Библиотека времени. Вып. 5). — ISBN 978-5-93834-322-1. — С. 132—137.

Материал поступил в редакцию 08.12.2011.

References

1. Nicshe, F. Sochineniya. V 2 tomax. Tom 2 / F. Nicshe; sost., red. i avt. primech. K. A. Svas`yan. — Moskva: My`sl`, 1990. — 829, [1] s. — In Russian.
2. GARO. F. R-3132. Op. 1. — D. 2. — L. 170. — 27 oktyabrya 1920 g. Disciplina truda. — In Russian.
3. E`riksen, T. X. Tiraniya momenta. Vremya v e`poxu informacii / T. X. E`riksen. — Moskva: Ves`mir, 2003. — 208 s. — In Russian.
4. Shtompel`, L. A. Liki vremeni / L. A. Shtompel`; Rost. gos. stroit. un-t. — Rostov-na-Donu; Sankt-Peterburg: Komp`yuterikon``-ARITA, 1997. — 200 s. — In Russian.
5. Shtompel`, L. A. «Upravlenie vremenem»: v poiskax smy`sla zhizni / L. A. Shtompel`, M. V. Lixushina // Vremya i chelovek (Chelovek v prostranstve konceptual`ny`x vremyon): sb. nauch. tr. / pod nauch. red. V. S. Churakova. — Novocherkassk: NOK, 2008. — 316 s. — (Biblioteka vremeni. Vy`p. 5). — ISBN 978-5-93834-322-1. — S. 132—137. — In Russian.

INDIVIDUALIZATION OF SOCIAL AGENT'S TIME IN MODERN SOCIETY AND CULTURE

L. A. Shtompel

(Institute of Architecture and Arts, Southern Federal University)

The process of the individualization of time as a special case of the temporal organization of the social agent's life activity in the modern society and culture is analyzed. It is shown that the productive individualization of time is restricted to the latent impact of the objective social structures through imposing ready-made relation schemes to time and disturbing the collective rhythms of life activity.

Keywords: time, individualization, temporal organization, time management.